

РОЛЬ ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СИМВОЛИЗАЦИИ ВЕЧНОСТИ

Будучи в историческом прошлом указательными местоимениями, слова *он*, *она* не утрачивают, однако, в современном русском языке данного своего значения указательности. Перейдя в разряд личных местоимений, они обладают способностью совмещать в себе семантику личных и указательных местоимений, что расширяет их функциональные возможности. О.П. Ермакова объясняет такую способность семантическим началом, заложенным в местоимениях как самостоятельной части речи, подчеркивая, что «в синтаксическом поведении местоимений едва ли не главную роль играет их принадлежность к семантическому, а не грамматическому разряду» [4, 367].

Использованные в художественном тексте лично-указательные местоимения представляют собой не просто заместителей предметов (в данном случае героев произведений) – они воплощают более глубокий смысл: заключая в себе определенную таинственность, данные местоимения позволяют писателю передать и некоторую таинственность взаимоотношений героев.

В настоящем докладе представлен анализ лично-указательных местоимений, нашедших отражение в идиотнической картине мира русскоязычного писателя Казахстана Виктора Бадикова. Он известен также как ученый, литературный критик и публицист. Анализ производился на основе его рассказов «Эхо жизни», «Побег из «Коммунизма», «Кырмазым» [2], созданных, согласно Адольфу Арцишевскому, «рукой мастера» [1, 4]. На основании вышесказанного можно утверждать, что в произведениях Виктора Бадикова компоненты «он», «она» представляют собой концепты.

Исследованный материал свидетельствует о том, что в анализируемых рассказах отмечаются все уже обозначенные в лингвистических источниках содержательные текстовые категории: событийность, участники событий, пространство, время, оценочность. Своеобразную реализацию находит в текстах автора категория участники события, передаваемые как текстообразующая категория в текстовом пространстве посредством актуализации местоимений *он*, *она*. Данные местоимения заменяют имена влюбленных друг в друга мужчины и женщины, реализуя функцию репрезентации концептов в художественном тексте.

Концепт «он» вербализуется в идентичном местоимении и воплощается в идиотнической картине мира Виктора Бадикова на фоне концепта «она». Об этом свидетельствует начальная часть текста рассказа «Эхо жизни», в частности первое его предложение: *Он чувствовал себя похожим на нее*. И далее весь первый абзац репрезентирует концепт «она» с позиции восприятия ее героем рассказа «Эхо жизни»: *Буквы и вещи тоже ходили на нее. Его тревожил красный цвет ее шапочки, а также низкие стоячие воротники женских пальто, как у нее. Вечерние звуки – весенний ветер, дальние гудки паровозов, тихая музыка на станции – воспроизводили ее голос*.

Идиотническая картина мира писателя в данном случае специфична благодаря описанию деталей, привычных для повседневной жизни и в определенной степени малозначимых будничных предметов одежды (воротники пальто) и явлений природы и окружающего мира (ветер, гудки, музыка), актуализируемых за счет того, что они излагаются автором через призму восприятия героем его возлюбленной, на ее фоне. Благодаря этому формируются концепты «воротник», «ветер», «гудок», «музыка», вербализуемые в языковой картине мира Виктора Бадикова в виде словосочетаний *низкие стоячие воротники, весенний ветер, дальние гудки паровозов, тихая музыка*.

Отметим, что участники событий обозначаются посредством местоимений *он*, *она*, в частности, в рассказе «Эхо жизни» в первых восьми абзацах. Состояние героев, таинственно передаваемое данными местоимениями, излагается автором путем использования глаголов психического действия *тревожил, переживал*, способствующих метафоризации текста: *Он переживал головокружительную радость существования*.

Интеллектуальную направленность в контексте рассказов получают глаголы интеллектуальной деятельности: *писал (записки), описывал (в дневнике)*; глаголы физического действия (движения): *приносил (книги)*. Концепт «он», таким образом, передается в языковой художественной картине мира Виктора Бадикова и посредством данных глаголов, позволяющих более подробно представить данный концепт со всеми составляющими характеристиками, которые он включает, и сфокусировать его на образ героя рассказа.

Обозначение героя рассказа «Эхо жизни» с помощью наименований *Серезжа, Серезенька* вводится только в двух случаях: в девятом абзаце и в предпоследнем: *Заходи, Серезжа; Не обижайся, Серезенька!*

Функция обращения, которую выполняют данные наименования, свидетельствует об их незначительности для реализации авторского замысла: они, как можно заключить, вводятся в ситуации крайней необходимости. Обращение не передается иным способом, как только посредством имени собственного или нарицательного. Эгоцентрический характер местоимений исключает возможность употребления лично-указательных местоимений в функции обращения. Спорадическое использование личного местоимения третьего лица *он (она)* вместо местоимения *я*, обусловленное желанием говорящего дистанцироваться от себя самого, оценить себя как можно более объективно, отнюдь не способствует тенденции к приобретению данной функции этим местоимением. В рассказе «Эхо жизни» введение имени позволяет автору структурировать композицию произведения, указав таким способом на зачин кульминационного момента. Именно с момента воплощения концепта «он» в виде имени собственного наступает перелом в отношениях героев.

Примечательно, что в рассказе «Кырмызым» письмо начинается вообще без обращения. В данном случае отсутствие имени в виде обращения объясняется заботой героини об инкогнито героя. При этом герой рассказа, уяснив значение казахского слова *Кырмызым*, дословно означавшего 'мое солнышко', добавлял это слово к имени своей возлюбленной. Таким образом, не имя собственное *Айгуль* символизирует для героя загадочность их отношений, а имя нарицательное *Кырмызым*. В рассказе данное слово приобретает элемент сакральности: ...*Борисов, несмотря ни на что не покинувший Казахстан, при имени Айгуль добавлял ласковое – Кырмызым, словно в этом слове таилась разгадка их обычной в сущности истории.*

Между тем значимость имени, в том числе имени собственного, подчеркивается в исследованиях целого ряда философов и лингвистов. В философии лингвистики существует теория имяславия, суть которой сводится к актуализации наименования вещи. Иными словами, наименование заключает в своем составе часть предмета или явления, которое оно обозначает, что противоречит теории произвольности знака. Согласно А.А. Гируцкому, имя человека во многом заменяет самого человека. Как отмечает ученый, «в земной жизни имя может успешно заменить физическое присутствие человека во многих делах. Более того, смерть физическая не обязательно должна означать смерть имени, которое продолжает представлять человека после его отхода в мир иной. Поэтому имя в максимально сжатой форме вмещает в себя все содержание человека» [3, 99].

Вместе с тем автор преднамеренно не вводит в текст повествования имена собственные, обобщая в одной героине целую плеяду женщин посредством местоимения *она*. Женщина, благодаря этому, изображается вне времени: она является такой, какой изображает ее автор, вечно. Именно в этом состоит значимость использования данного местоимения, равно как и местоимения *он*.

Концепт «она», воплощаемый исключительно посредством местоимения *она* в разных словоформах, в процессе повествования претерпевает изменения. Сцена прощания героев изображается в том числе и с использованием сравнения *как мать*, относящегося к героине произведения. Из него можно заключить, что после произошедшей близости героев она, возможно, уже не воспринимается героем рассказа как невеста: утрачивается ее таинственность и вечная женственность, символизируемая с помощью лично-указательного местоимения.

Примечательно, что местоимение *она* способно передавать концепт «она» и в тех рассказах, где имена героев изначально известны читателю. Это отмечается, в частности, в рассказе «Побег из «Коммунизма», в котором имена *Ирина, Володя* называются в начале произведения. Однако и в таком случае имя собственное не актуализируется писателем. Оно и приводится как примерное, несколько небрежно, на что указывает фраза *Назовем его для первого знакомства Володя*. Это позволяет интерпретировать данное имя собственное как случайное, первое, что пришло в голову

автору. По манере исполнения данная фраза напоминает ход действия физика, который вводит одно из обозначений определенного явления путем символа: *обозначим массу вещества через m* . Но даже и в этом последнем случае такой ход приводит к некоторому следствию в виде *тогда получится*. В рассказах же Виктора Бадикова герой как личность проявляется только через концепт «он», передаваемый идентичным местоимением на фоне концепта «она», который позволяет воплотить мысль о неизменной загадочности женской натуры, раскрываемой в определенной мере в имени женщины.

Не актуализирует имени героини также рассказ «Эхо жизни», посвященный Нине Кольдаевой-Троицкой, что в еще большей степени подчеркивает значимость концептов «он», «она», воплощающих интимный характер отношений между двумя любящими людьми, объединенными временем и пространством.

Данное наблюдение подтверждает и тот факт, что в рассказе «Побег из «Коммунизма», в котором имя героини обозначено при повествовании о ней и при знакомстве ее с читателем, в случае воспроизведения романтической атмосферы, когда героиня воспринимается через взгляд на нее героя, автор также использует местоимения *он, она*, вербализующие соответственные концепты. Не случайно писатель изображает сцену, представляемую виртуально как первое знакомство героя рассказа с героиней, используя наречие *впервые*, частицу *как бы*, а также относящиеся к героине определения-эпитеты *таинственная, недоступная: Он увидел ее на балу как бы впервые. В густо-красном платье, с белым газовым шарфиком на шее она была такой блистательной, такой таинственной и недоступной!.. Она давно и глубоко тревожила его.*

Как нам представляется, значимым в приведенном отрывке является не только текст с точки зрения его формально-содержательной стороны, но и эмоциональная окрашенность второго предложения, графически переданная посредством восклицательного знака. Оно заключает в себе не только эмоции восхищения героиней – восклицательный знак имплицитно передает категорический характер ее недоступности, придавая последней оттенок запрета.

В рассказе «Кырмызым», хотя имена и озвучиваются в начале рассказа, описание начинается с загадочных обозначений героев с помощью местоимений *он, она*, благодаря чему описание приобретает лирический тон: *Когда он взял ее за локоть, как старший, чтобы обоим устоять в толчее, при выходе из аудитории, то сразу почувствовал, как своим локтем она плотно прижала к себе его руку, так что он ощутил упругую округлость девичьей груди.*

Как свидетельствует приведенное предложение, в нем превалируют глаголы чувства *почувствовать, ощутить*, а также употреблен глагол физического действия *прижать*, в содержательном плане созвучный глаголам чувства и переживания. Перфектное значение глаголов прошедшего времени усиливает временную направленность повествования: прошлые действия имеют последствия в настоящем, проявлением чего оказывается взаимная и весьма драматичная любовь героев.

Интерес представляют отдельные случаи использования личного местоимения *она* в разных падежных формах в противовес обозначению героя именем. Это наблюдается, в частности, при изображении внешности героини рассказа «Кырмызым», которое сопровождается введением в текст повествования фамилии героя *Борисов: У нее было типичное белое казахское лицо.... Борисов попросту обжегся уже на втором занятии... .* Такого рода иллюстрации свидетельствуют о разной степени участия рассматриваемых местоимений в символизации неизменной таинственности – вечности.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что функция лично-указательных местоимений в художественном тексте не ограничивается только организацией глобальной текстовой категории участники события, но и способствует проецированию этой категории на вневременное пространство, определяемое как вечность. Однако данное утверждение носит предварительный характер и предполагает дальнейшее исследование роли обозначенных местоимений в текстах разножанровой и разностилистической направленности.

1. Арцишевский А. Прикосновение. Вступительная статья // Виктор Бадиков. Эхо жизни: рассказы. Алматы, 2007.

2. Бадиков В. Эхо жизни: рассказы. Алматы, 2007.

3. Гируцкий А.А. Тайна имени. Минск: Тэхналогія, 1996.

4. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Морфология современного русского языка: хрестоматия. СПб., 2009.